

УДК 94 (574) «19»
DOI 10.17223/19988613/35/9

С.Ш. Казиев

ПЕРЕСТРОЙКА И КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КАЗАХСТАНЕ (1985–1991 гг.)

Рассматриваются проблемы межэтнических отношений в Казахстане в период кризиса советского общества. Особое внимание уделяется роли этнических элит в развертывании языковой реформы и борьбе с союзным Центром за контроль над союзными республиками. Исследуются причины кризиса межэтнических отношений в СССР. Автор считает, что перестройка политической жизни в СССР нанесла сокрушительный удар по советской идентичности, освободив этнонациональные чувства из-под пресса советской идеологии и ослабив контроль органов управления и госбезопасности над развитием этнополитической ситуации. Результатом стал распад советского общества.

Ключевые слова: национальная политика; казахи; русские; немцы; перестройка; межэтнические конфликты; языковая реформа; национализм.

Этнополитические процессы в бывшем СССР развиваются под влиянием последствий распада великой страны и попыток преодолеть порожденный им раскол постсоветских обществ по этнонациональному признаку. В России и Казахстане сделаны серьезные шаги по пути формирования гражданских наций. Однако проблемы социально-политического отчуждения нетитульного населения остаются актуальными и по настоящее время. В этой связи необходимо изучение дезинтегрирующих факторов в сфере национальных отношений, приведших к крушению СССР и действительной роли в этом процессе межэтнических конфликтов в союзных республиках.

Распад СССР в 1991 г. породил огромный объем исследовательской литературы самого различного жанра – от мемуаров первых лиц до научных монографий. В историографии выделяются субъективистский и объективистский подходы в изучении кризиса национальных отношений, тщательно проанализированные С.В. Чешко в фундаментальной монографии «Распад Советского Союза: этнополитический анализ» [1].

В зарубежной историографии преобладают объективистские взгляды, согласно которым СССР рухнул вследствие углубления неразрешимых противоречий в этнодемографическом, социально-экономическом и культурном развитии союзных республик, подрывавших монополющий контроль союзного Центра. З. Бжезинский иронически писал: «Истина сурова: империя не может быть спасена, если его национальный гарнизон состоит из обнищавших великорусов» (цит. по: [2. С. 277]).

В казахстанской историографии кризис национальных отношений и распад советского общества трактуется преимущественно как крушение советской империи, связанное с объективными закономерностями. Антиимперский подход в казахстанской историографии был характерен для исследований бывшего историка КПСС академика М.К. Козыбаева, сведшего основные положения советской национальной политики к ограничению права наций на самоопределение, «созданию “кукольных” национальных образований»

и централизации власти над народами страны [3. С. 158].

В настоящей статье на примере Казахской ССР в перестроечные годы анализируется кризис советской идентичности и идеологии интернационализма и вытекающие из этого последствия в сфере национальных отношений. В процессе написания статьи ставилась задача выяснения степени кризиса межэтнических отношений и их влияния на дезинтеграцию советского общества в переломные годы.

Казахстан в годы пресловутого «застоя» считали «лабораторией дружбы народов», при этом игнорируя формирование иерархии этнических неравенств и существование системы преференций по этническому признаку в получении высшего образования, доступе к занятию руководящих должностей и т.д. Союзное руководство после кончины Л.И. Брежнева попыталось взять под контроль внутренние дела союзных республик, иницируя кампании борьбы с коррупцией и nepотизмом. Избрание в марте 1985 г. М.С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС сопровождалось по устоявшейся традиции обещаниями широких реформ, направленных на «ускорение социально-экономического развития страны». Новая политика, получившая через три года название «перестройка», была не результатом строго научного видения решения назревших проблем, а скорее воплощением субъективного подхода. Соответственно не просчитывались и негативные последствия тех или иных политических решений. После распада страны Горбачев отметит недооценку актуальности «национального вопроса» при реализации стратегии обновления страны. М.С. Горбачев считал, что обострение межэтнических конфликтов в годы перестройки было результатом сталинской национальной политики: «мины межнациональных конфликтов были заложены десятилетия, а иногда и столетия назад. Мало сказать, что корни конфликтов уходят в прошлое, нужно признать и то, что некоторые из них возникли уже после Октябрьской революции. Национальная политика, проводившаяся большевиками на разных этапах, принесла и многие

беспорные достижения, и огромный ущерб. В этой сфере, как и в других, наследие большевизма было неоднозначным» [4. С. 495]. Жалуясь на «тяжелое наследство» в сфере межнациональных отношений, М.С. Горбачев привычно обвинил Сталина в их нерешенности: «При возникновении национальных споров и претензий Сталин рассматривал их как проявление антисоветчины, а посему не тратил время на разъяснения и увещевания. И все же с проблемой, скажем, Карабаха так и не смог справиться: она регулярно возникала каждые десять лет» [Там же. С. 494]. Тем самым он снял с себя и своего окружения ответственность за неспособность управлять огромной многонациональной страной. Помощник первого и последнего Президента СССР А.С. Черняев пишет о неудачных импровизациях своего шефа в национальной политике, его опоре на «старые приемы» и недооценке последствий односторонней поддержки тех или иных лоббистских этнических групп [5. С. 19].

В апреле 1985 г. проведение новой кадровой политики на основе межреспубликанской ротации партийных работников и смены прежних руководителей союзных республик, выдвинувшихся в результате борьбы с местным национализмом и клановыми группировками (Г.А. Алиев, В.В. Щербицкий), представлялось шагом «революционным». На практике давление «сверху» и «снизу» по рецепту Горбачева обернулось потерей управляемости страной.

В декабре 1986 г. смена на посту первого секретаря казахстанской партийной организации Д.А. Кунаева на Г.В. Колбина привела к выступлениям казахской молодежи, безжалостно подавленной силами органов и войск МВД и КГБ. М.С. Горбачев позже вспоминал, что отстранение Д.А. Кунаева было связано с обострением борьбы внутри казахстанского партийного руководства и клановыми предпочтениями казахстанского руководителя при выдвижении кадров [4. С. 497]. На XVI съезде Компартии Казахстана в феврале 1986 г. молодые казахские партийцы Н.А. Назарбаев, Е.Н. Ауельбеков и З.К. Камалиденов подвергли резкой критике методы управления республикой и аморальный nepотизм Д.А. Кунаева. Однако большинство делегатов съезда высоко оценило заслуги Д.А. Кунаева и проголосовало за переизбрание его первым секретарем ЦК Компартии Казахстана.

Критикуя «старые методы» управления, М.С. Горбачев не постеснялся организовать длительную травлю Д.А. Кунаева. М.С. Горбачев поддержал приезжавшие из республики делегации во главе со вторым секретарем О.С. Мирошхиным и потребовал от Д.А. Кунаева отставки. В ноябре 1986 г. Д.А. Кунаев согласился на отставку, поинтересовавшись у М.С. Горбачева по поводу кандидатуры будущего преемника. По свидетельству Д.А. Кунаева, М.С. Горбачев отказался ответить на его вопрос и грубо заявил: «Позвольте это решить нам самим» [6. С. 288].

11 декабря 1986 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС без участия Д.А. Кунаева было принято решение об освобождении казахстанского лидера от работы в связи уходом на пенсию. Д.А. Кунаева сменил Г.В. Колбин. Г.А. Алиев единственный из членов Политбюро выразил свои сомнения в связи с назначением малоизвестного номенклатурного работника на руководство одной из крупнейших национальных союзных республик [Там же. С. 272]. Несомненно, декабрьские события 1986 г. и кампания борьбы с «казахским национализмом» стали следствием стечения нескольких обстоятельств, в числе которых можно назвать желание Политбюро и лично Горбачева «преподнести урок Казахстану, а заодно и другим» [4. С. 498], обиды Кунаева на своих выдвиженцев.

Об алма-атинских событиях и выступлении казахской молодежи сказано и написано немало. Для нас представляет интерес развитие национально-политических процессов в Казахстане и проблемы межэтнического доверия. Оценки алма-атинских выступлений, данные союзными партийными инстанциями, как проявления казахского национализма не выдерживают серьезной критики. Обвинения в национализме целого народа, всегда лояльного Советскому государству, вызвали горечь и обиду у значительной части казахского населения, узнавшего о событиях в Алма-Ате из средств массовой информации. Прессинг в отношении казахов со стороны партийных органов и органов госбезопасности, сопровождавшийся откровенной ложью и подстрекательством, вызвал недоверие русских по отношению к своим давним этническим партнерам. Крайняя жестокость, проявленная при разгоне демонстрантов со стороны милиции, дружинников, курсантов военных училищ и введенных в город пограничных войск, была результатом распространения среди солдат и сотрудников милиции органами КГБ слухов о якобы вырезанных детсадах с русскими детьми, забитых казаками солдатах и курсантах. Количество жертв могло многократно возрасти в случае ввода боевых частей Среднеазиатского военного округа, на чем настаивали упоминаемые Ф.Д. Бобковым «некоторые горячие головы».

Декабрьские события встревожили союзное руководство. На экстренно созванном январском Пленуме ЦК КПСС было принято Постановление «О работе в Казахской партийной организации и патриотическом воспитании трудящихся». Главным направлением национальной политики был избран слом сложившейся системы преференций по этническому и родовому признакам в кадровой политике, введение национально-пропорционального представительства в партийно-государственном и советском аппарате. Г.В. Колбин специально заявил об отказе от «устаревшей» практики выдвижения руководящих работников по национальному признаку [7. Л. 20–26]. Борьба с преобладанием казахов в руководстве подавалась как исправление

«перегибов» и возвращение к подлинной ленинской национальной политике.

За короткий срок было проведено обновление высшего управленческого звена. Из состава ЦК Компартии Казахстана были выведены Д. Бекежанов, А. Аскараров, Г. Аккозиев, Е. Кадырбаев, Г. Кисанов, А. Статенин и другие кунаевские сподвижники. В августе 1987 г. Г.В. Колбин с гордостью отмечал, что с февраля по август 1987 г. от занимаемых должностей освобождено 144 человека, ранее входивших в номенклатуру ЦК Компартии Казахстана, из них 12 были исключены из партии [8. Л. 15]. В соответствии с национальным составом населения республики был выровнен руководящий партийный аппарат. В конце 1987 г. из 32 членов Бюро ЦК Компартии Казахстана казахов было 13 человек (39%), из 156 членов ЦК Компартии Казахстана 65 человек по национальности были казахами, из 18 первых секретарей обкомов – 7 казахов [Там же. Л. 15; 9. Л. 1].

Повсеместно по республике проводились переаттестации и обновления характеристик в партийных, комсомольских, советских и профсоюзных органах, выливающиеся в новые чистки и поиски «националистов». К первой половине 1988 г. не прошли переаттестацию 21,8% партийных и 34% комсомольских работников. Из органов МВД было уволено 1 200 сотрудников, в министерствах здравоохранения и транспорта работу потеряли 309 человек [10. С. 12–13]. Партийные органы и госбезопасность обратили внимание на то, что в Карагандинскую Высшую школу милиции областные УВД направляли в основном казахов: в 1985 г. – 283 казаха (61%), русских – 85 человек (19,5%), в 1986 г. – 291 казахов (55,3%), русских 124 человека (24,5%) [Там же. С. 269].

Особо пристальное внимание было обращено на алма-атинские, карагандинские и южно-казахстанские вузы, где получили широкое распространение коррупция и протекционизм. Инициаторами проверок в казахстанских вузах выступили газеты «Правда» и «Известия», опубликовавшие статьи, посвященные разоблачению клановых связей в вузовской системе. По результатам проверок потеряли свои должности 12 ректоров, включая ректора КазГУ У. Джолдасбекова и ректора Института народного хозяйства И. Мамырова. Министр высшего и среднего образования К. Нарibaев был переведен на рядовую преподавательскую работу. Всего в алма-атинских вузах были уволены 319 преподавателей и исключены 182 студента [11. Л. 260].

Декабрьское выступление казахской молодежи осветило проблему психологического разрыва между молодым поколением, рассматривавшим назначение стороннего человека на руководство национальной республикой как посягательство на идеалы и представления о подлинном интернационализме, и казахской партийно-комсомольской номенклатурой, вполне довольной своим положением и материальными привилегиями. Собранные комиссией М. Шаханова материалы

по декабрьским событиям свидетельствуют об активном участии казахских партийцев и сотрудников госбезопасности в кампании травли и очернительства участников выступлений. Жесткий прессинг на казахскую элиту, сопровождавшийся огульными обвинениями в национализме со стороны отдельных чиновников и работников КГБ, возрождал в республике атмосферу страха и взаимной подозрительности. В пылу обличительства заговорили даже о культе личности Д.А. Кунаева. В защиту бывшего казахстанского руководителя выступил лишь О. Сулейменов. В своем ярком и эмоциональном выступлении на Пленуме ЦК Компартии Казахстана в январе 1988 г. известный поэт сравнил гармонизацию межнациональных отношений с кропотливым трудом садовода по выращиванию цветника. Развивая далее этот образ о некоторых наиболее ярых борцах с казахским национализмом (М. Мендеубаев, С.М. Мукашев, З.К. Камалиденов, В. Мирошник), он заметил: «...нередко на должность садовода назначаются лесорубы, выполняющие план по заготовке дров» [12. Л. 22–23].

Алма-Атинские выступления казахской молодежи имели еще одно последствие – отказ союзного руководства от попытки вновь воссоздать Целинный край с последующим его выводом из состава Казахской ССР. В 1985 г. в Казахстане циркулировали слухи от готовящейся отставки Д.А. Кунаева и передаче целинных областей РСФСР. О проблеме целинных областей, якобы подаренных Н.С. Хрущевым Казахстану, обмолвился М.С. Горбачев в своих последних выступлениях на посту Президента СССР.

Опытный партийный функционер Г.В. Колбин, работавший на посту второго секретаря в Грузии, понимал опасность чрезмерного давления на титульную нацию, порождающую угрозу широкого межэтнического конфликта. Уже в марте 1987 г. Г.В. Колбин заявил о недопустимости «навешивания ярлыка на весь казахский народ». Он обратил внимание на то, что «имеют место среди некоторой части русского населения проявления неводержанности, неуважения к людям коренной и других национальностей» [13. Л. 28]. По свидетельству известного российского востоковеда С.А. Панарина, Г.В. Колбин был действительно искренним интернационалистом, пытавшимся разобраться в сложной ситуации в республике и найти опору среди казахских партийцев. Н.Э. Масанов полагает, что Г.В. Колбин к лету 1987 г. переключился на лоббирование интересов казахской политической элиты, рассматривая свое пребывание в Казахстане как стартовую площадку для дальнейшего карьерного роста в Москве [14. С. 51]. Г.В. Колбин решительно пресек претензии уйгуров на создание автономного образования. Была запрещена книга уйгурского историка из АН КазССР Кибирова «Уйгуры – автохтоны Семиречья», в которой доказывалась принадлежность земель юго-восточного Казахстана уйгурам.

Одновременно была сделана попытка переключить внимание общества с национальных на социальные

проблемы. Под предлогом борьбы с неоправданными привилегиями в распоряжение Министерства здравоохранения Казахской ССР к августу 1987 г. передаются 247 малых гостиниц, 14 коттеджей, 414 гостевых квартир и 220 охотничьих домиков [15. Л. 27]. По республиканскому телевидению Колбин обещал решить в республике жилищный и продовольственный вопросы путем сокращения обязательных поставок в союзные фонды, добиться строительства в Казахстане новых птицефабрик и автомобильного завода.

Значительные последствия имело обращение Г.В. Колбина к языковой проблеме, а именно к резкому сокращению сферы применения и изучения казахского языка. Г.В. Колбин на январском 1987 г. Пленуме ЦК Компартии Казахстана подверг резкой критике партийную организацию республики за игнорирование проблем казахского языка и указал на необходимость равноправия русского и казахского языков в официальном делопроизводстве. В обязательном порядке он потребовал от партийцев изучить и применять в общении казахский язык, пообещав от себя лично выступить на предстоящем XVII съезде Компартии Казахстана с отчетными докладами на казахском и русском языках. Уже в марте 1987 г. Пленум ЦК Компартии Казахстана принял два постановления: «Об улучшении изучения казахского языка» и «Об улучшении изучения русского языка». На расширенном заседании Бюро ЦК Компартии Казахстана (6–9 марта 1987 г.), посвященном развитию межнациональных отношений, Г.В. Колбин высказался за поддержку казахско-русского билингвизма с приданием равных статусов казахскому и русскому языкам [16. Л. 181].

Республиканское руководство наметило широкий круг мер в рамках программы улучшения изучения казахского языка. Внедрение казахского языка требовало проведения разъяснительной работы среди населения крупных городов, где преобладало русскоязычное население. Партийные и советские органы были обязаны обеспечивать синхронный перевод с казахского и русского языков во время проведения крупных общественно-массовых и культурных мероприятий, организовывать кружки и курсы для желающих изучать казахский язык. Решительные шаги были сделаны для подготовки изучения казахского языка в средней общеобразовательной школе. На основе полной добровольности вводились учебные часы по казахскому языку в детских дошкольных учреждениях и в 1–8-х классах средней школы. В педагогических институтах открывались специальности «казахский язык и литература», происходила переподготовка педагогических кадров. Академические структуры обязывались подготовить и издать казахско-русский словарь, краткий самоучитель, разговорники и учебники по казахскому языку [Там же. Л. 182–183].

Особое внимание республиканское руководство уделило удовлетворению культурных запросов третьего по численности народа – немцев. Это было связано с

начавшейся массовой репатриацией немецкого населения. С 1976 по 1987 г. в республике было подано 79 446 ходатайств на выезд в ФРГ, из них на 9 803 заявления был дан положительный ответ. В наибольшей степени миграционные установки были распространены среди немцев Карагандинской, Джамбульской, Талды-Курганской, Чимкентской и Алма-Атинской областей. После вступления 1 января 1987 г. в силу Постановления Совета Министров СССР о порядке выезда и въезда в СССР увеличивается число заявок на эмиграцию в ФРГ. Только за семь месяцев 1987 г. поступило 2 562 заявки, из них 1 736 были удовлетворены [17. Л. 47–48].

25 июня 1987 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР принял Постановление «О состоянии изучения в республике немецкого языка как родного языка». Согласно намеченной программе, вводилось изучение немецкого языка как родного в дошкольных детских учреждениях. Весьма важным было увеличение числа учащихся в школах с немецким языком обучения, организация телевидения на немецком языке на республиканском телеканале «Алатау» и в областных телецентрах [18. Л. 47].

Новаторские и смелые шаги тогдашнего казахстанского руководства в значительной степени позволили снизить межэтническую напряженность, возникшую после декабрьских событий 1986 г. Первые позитивные результаты были получены уже в первый год реализации языковой программы. В 1987/88 учебный год в Казахстане функционировало 7 900 школ, в которых обучались 3 917 тыс. детей. На казахском языке велись занятия в 2 540 школах (908 тыс. школьников); на русском – в 4 179 школах (2 009 тыс. школьников); на узбекском языке в 73 школах с 58 тыс. учеников; на уйгурском – в 11 школах с 13 тыс. учеников, на таджикском – в 9 школах с 2 056 учениками. В республике функционировали также 1 094 школы со смешанным обучением. Были созданы школьные группы по изучению родного языка: корейские – 11 групп с 191 учащимся, дунганские – 117 групп (3 395 учеников), курдские – 16 групп (204 ученика), турецкие – 14 групп (184 ученика) и азербайджанские – 10 групп (134 ученика) [19. С. 66–67].

Значительные усилия были приложены для возрождения родного языка немцев – третьей по численности этнической группе в Казахстане. В 1988 г. немецкий язык в качестве родного языка изучался в 316 школах и 124 детских садах. В 1987/88 учебном году число немецких детей, обучавшихся на родном языке, увеличилось в Целиноградской области на 1 814 человек, в Павлодарской области – на 610 человек и в Джамбульской области – на 381 человека. Подготовка учительских кадров велась в Кокчетавском педагогическом институте и Саранском педагогическом училище Карагандинской области. Значительно вырос тираж печатной продукции. С 1986 по 1988 г. общий тираж книг на немецком языке вырос в три раза, с 39,2 тыс. до 130,4 тыс. единиц книжной продукции [20. С. 202].

В начале 1989 г. стало ясно, что Г.В. Колбин уедет на повышение в Москву. С его отъездом концепция равноправия казахского и русского языков была пересмотрена в ходе развернувшейся языковой реформы. Известный филолог Г. Кайдаров объяснял корректировку прежнего курса необходимостью защиты казахского языка, утверждая: «Постулирование статуса т.н. «государственного двуязычия» колбинского толка, где в его национально-русском и русско-национальном вариантах доминирует русский язык, и его приравнение с казахским языком, в той атмосфере, в которой мы живем и в силу действующей инерции сознания, не благоприятствует его полнокровному развитию» [21. С. 3].

Известный социолингвист Б.Х. Хасанов, сделавший научную карьеру на разработке проблем русско-казахского билингвизма, в 1989 г. кардинально пересмотрел свои прежние установки в отношении русского языка, прикрываясь заботой о межнациональном согласии. Он писал: «Провозглашение русского языка государственным спровоцирует возможность подмены родного языка нерусских и может вызвать негативную реакцию со стороны нерусских, представляющих положение родного языка ущемленным, и тем самым обострит межнациональные отношения» [22. С. 20].

19 января 1989 г. в ЦК Компартии Казахстана и Президиум Верховного Совета Казахской ССР коллектив Института языкознания АН Казахской ССР направил аналитический доклад «Лингвистическая ситуация в республике и вопросы языкового строительства», в котором поднимались вопросы с катастрофичным положением казахского языка, сокращением преподавания казахского языка в народном образовании. Сотрудники считали положение с казахским языком результатом «искусственной деформации ленинской национальной политики в республике, где вследствие миграционных процессов начали складываться неблагоприятные условия для его функционирования» [23. С. 252–253]. 26 января 1989 г. к критическому обсуждению прежней языковой политики присоединился коллектив Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Ссылаясь на опыт закавказских республик и Эстонии, сотрудники Института предложили:

«1. Казахский язык признается государственным языком республики и его статус закреплен в Конституции КССР.

2. Русский язык полностью сохраняет свои функции в качестве языка межнационального общения, необходимо в дальнейшем совершенствовать пропаганду его роли и значения.

3. Содействовать развитию других национальных языков.

4. Решение собрания и мнение коллектива доложить в соответствующие органы» [Там же. С. 252–254].

Активность казахской интеллигенции в вопросе сохранения казахского языка повлияла и на партийные

инстанции. 2 августа 1989 г. Идеологический отдел ЦК Компартии Казахстана опубликовал проект «Концепции языковой политики», в которой недвусмысленно было указано на то, что казахи являются «этнической основой огромной республики». В соответствии с предлагаемым новым ранжированием народов республики предлагалось ввести разный уровень статусов языков: казахский язык провозглашался государственным, русский язык получал неопределенный статус языка межнационального общения, языки национальных меньшинств в районах их компактного проживания объявлялись «региональными, местными» [24. С. 1]. В предложенном проекте прослеживалось влияние прежних наработок казахстанских социолингвистов, в частности не фиксировалась жесткая ответственность чиновников за незнание государственного языка.

Многие неясности были устранены в опубликованном 22 августа 1989 г. Проекте Закона Казахской ССР «О языках в Казахской ССР», в срочном порядке принятом Верховным Советом Казахской ССР 22 сентября 1989 г. В соответствии с новым законом казахский язык был объявлен государственным языком, а русский язык получил статус языка межнационального общения. Закон вменял в прямую обязанность изучение государственного языка представителям управленческого аппарата, в местах компактного проживания этнических меньшинств обязательным было знание и их языков в «объеме, необходимом для осуществления служебных функций» [25. С. 1].

Языковое реформирование потребовало конкретной проработки и планирования мер по внедрению казахского языка. В июне 1990 г. Центр изучения межнациональных отношений АН Казахской ССР предложил документ «Механизмы введения и реализации Закона о языках в Казахской ССР и пути внедрения государственного языка в жизнь». Авторы документа откровенно указывали на русскоязычную часть населения как главный фактор, препятствующий внедрению казахского языка: «Непреодолимой стеной на пути внедрения государственного языка стоит ряд тормозящих факторов, среди которых следует выделить большую долю русскоязычного населения, которая сложилась за счет представителей русской национальности, занимающей второе место в составе населения республики, и нерусской части населения, сменившей родной язык» [26. С. 5]. В качестве неотложных мероприятий специалисты по межнациональным отношениям рекомендовали перевести все официальное делопроизводство на казахский язык, а в районах с преобладанием казахского населения или там, где оно составляет не менее половины населения, языком внутреннего делопроизводства должен стать только казахский язык. За основу внедрения казахского языка брались четыре принципа:

1) планомерность и поэтапность введения казахского языка в служебное обращение;

2) планомерность и поэтапность введения казахского делопроизводства;

3) организация пропагандистской кампании;

4) повсеместное установление отчетности в каждом учреждении, организации и на предприятиях перед вышестоящими органами [Там же. С. 15].

Предложения ЦИМО АН Казахской ССР были учтены в принятой 28 июня 1990 г. «Государственной программе развития казахского языка и других национальных языков до 2000 г.». В этом документе был намечен план и график перевода официального делопроизводства регионов на казахский язык. Предполагалось завершить переход на казахский язык делопроизводства к 1995 г. [27. С. 1]. С учетом того, что в 1988 г. делопроизводство на казахском языке велось только в 748 (25%) из 2 995 исполкомов Советов разного уровня, график предполагал давление республиканской власти на местные органы. Реализовать в сроки намеченный график удалось в Кызыл-Ординской (90% делопроизводства велось на казахском языке), Чимкентской (70%), Джамбульской (60%), Гурьевской (40%) областях. В большинстве областей и в Алма-Ате, во всех республиканских министерствах и ведомствах делопроизводство велось исключительно на русском языке. Серьезным препятствием были также отсутствие достаточного числа квалифицированных специалистов, владеющих казахским языком, и соответствующей материально-технической базы [19. С. 54–55].

Языковая реформа в Казахстане, как и в других союзных республиках, означала начало краха советского интернационалистского проекта, с 1930-х гг. тесно связанного с политикой языковой унификации за счет распространения русского языка. Актуализация проблемы национальных языков создавала мощные ресурсы поддержки притязаний республиканских номенклатур на бесконтрольное властное доминирование и контроль над ресурсами народного хозяйства. Объективно в этом вопросе происходила смычка интересов партийной номенклатуры, ранее приложившей усилия к «угасанию» казахского языка, и национальной интеллигенции.

Языковая реформа расколола общественное мнение и нанесла сильный удар по сохранявшимся отношениям межэтнического доверия и солидаризма, характерного для предшествующего периода. Уже летом 1989 г. в периодической печати северных областей появились критические статьи. В публикациях журналистов и в интервью казахских атаманов ставилась под сомнение территориальная целостность республики (см., напр.: [28]).

Подозрения казахского населения возросли после публикации 18 сентября 1990 г. в «Литературной газете» и «Комсомольской правде» статьи А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию. По-сильные соображения», в которой лауреат Нобелевской премии призывал к демонтажу СССР и пересмотру границ между союзными республиками. В отношении создания Казахстана в его настоящих границах Солженицын ставил под сомнение правильность политики

Ленина и Сталина. После появления публикации на страницах ведущих газет страны, имеющих многомиллионные тиражи, стало ясно, что данная позиция писателя разделяется частью союзного руководства, давшего «добро» на ее издание.

Немаловажным обстоятельством, способствовавшим предотвращению открытых межэтнических конфликтов, является типологическая схожесть казахского национального проекта с другими национальными гражданскими проектами, включая проект российского возрождения через роспуск СССР. Истоки этой схожести вытекают из общего советского прошлого и практики национал-строительства 1920–1930-х гг., только вместо «государства наций» предполагалось создание государств-наций. В казахском проекте исключался вариант поддержки формирования религиозной солидарности и идентичности. В то же время в казахском проекте предусматривался отказ от демократической концепции «многосоставного» общества, в которой национальные меньшинства имели бы право блокирования принятия ущемляющих их интересы политических решений. Проводники казахского национального проекта отталкивались от того, что республика является государственностью только казахской нации. Позже, в 1993 г., это положение будет закреплено конституционно и значительно осложнит межэтническую ситуацию.

Под давлением союзного Центра 27 сентября 1990 г. Совет Министров Казахской ССР издал Постановление, корректировавшее сроки внедрения государственного языка «с учетом конкретных социально-экономических условий и демографической ситуации». К программе дальнейшего внедрения казахского языка вернулись после провозглашения в декабре 1991 г. независимости Казахстана.

Май–июнь 1989 г. был «переломным» временем в этнополитической истории Казахстана. Отъезд в мае 1989 г. Г.В. Колбина в Москву совпал с началом победоносного «парада суверенитетов». Шумная антисталинистская и антисоветская кампания в центральных СМИ, внутренние конфликты внутри союзного руководства отвлекли внимание общества от процесса обретения могущества этнических элит союзных республик. Новый поворот в национальной политике союзного руководства характеризовался отказом от попыток национальной эгалитаризации и возвращению к доперестроечной практике консенсуса с национальными элитами на новых условиях: свертыванием контроля Центра над экономическими ресурсами республик и невмешательством в кадровую политику в союзных республиках.

После отъезда Г.В. Колбина исход жесткой борьбы за власть был предreshен объединением казахской партийной номенклатуры вокруг личности Н.А. Назарбаева. 22 июня 1989 г. Н.А. Назарбаев был избран первым секретарем казахстанской партийной организации, У. Карманов – Председателем Совета Министров Казахской ССР, а М. Сагдиев – Председа-

телем Верховного Совета Казахской ССР. Новому руководству пришлось решать многие вопросы, связанные с ухудшением социально-экономической ситуации и ростом межэтнической напряженности на фоне общего кризиса советской системы. В 1988 г. субвенции союзного Центра составляли 21,1% от доходной части республиканского бюджета, в 1989 г. – 33,3%, в 1990 г. – 31% и в 1991 г. – 5,5%. Сокращение дотирования из общесоюзных фондов ударило, в первую очередь, по крупным заводам Казахстана, являвшимся частью военно-промышленного комплекса и добывающей промышленности СССР. Нарастание социальных проблем привело к обострению межэтнических отношений.

Первый жесткий межэтнический конфликт в перестроечном Казахстане произошел в западноказахстанском Новом Узене, где 17–29 июня 1989 г. проходили стычки между казахской и северо-кавказской молодежью. Поводом для столкновений стала обычная драка, вылившаяся в общий погром выходцев с Кавказа. Действительные причины возникновения межэтнического конфликта крылись в глубоком социальном расслоении между приезжими и местными жителями, которых не брали на работу на нефтедобывающие предприятия союзного Миннефтепрома. От широкомасштабной этнической чистки чеченцев и ингушей спасли введенные части специального назначения, силами которых осуществлялись подавление беспорядков и соблюдение режима военного положения.

Потенциальная угроза межэтнического конфликта существовала в крупных городах Северного и Восточного Казахстана. 21 сентября 1990 г. Центр изучения социально-политических и идеологических процессов Института социологии АН СССР по рекомендации Отдела национальных отношений ЦК КПСС направил секретарю ЦК КП Казахстана У.Д. Джанибекову аналитическую записку «Оценка вероятности обострения межнациональных отношений в г. Целинограде Казахской ССР». Этот документ был разработан на материалах социологического опроса, проведенного в июне 1990 г. в Целинограде в рамках межрегионального комплексного исследования по проблемам оптимизации межнациональных отношений в СССР. Социологами был отмечен большой разрыв в доходах между бедной и более состоятельной частью казахской части горожан, что могло серьезно осложнить отношения казахов с другими этносами. Ученые предупреждали: «националистические лозунги, спекулирующие на низком материальном уровне части казахов, могут найти поддержку у коренного населения» [23. С. 260].

Учеными был отмечен рост тревожности по поводу грядущих столкновений среди казахстанских славян и немцев, подталкивающий их к выезду из республики. Причинами столкновений могут послужить взаимные претензии, считали социологи, отмечая: «Для настроений значительной части казахского населения

г. Целинограда характерно чувство определенной национально-культурной ущемленности и ощущение пренебрежительного отношения со стороны славянских групп населения. 64% опрошенных казахов часто сталкиваются с неуважением к их языку, традициям и обычаям со стороны славянского населения, 31% казахов – со слабым знанием или незнанием руководителями и представителями власти языка местного населения. При этом претензии этнических групп имели взаимный характер. 62% казахов, 62% русских и 43% украинцев указали, что слышали неуважительные отзывы о своем народе и его культуре, а 52; 60 и 54% соответственно – о других народах, проживающих в республике» [Там же. С. 261]. Несмотря на критическую оценку прогнозов развития межэтнической ситуации в ЦК Компартии Казахстана, материалы и выводы социологического исследования 1989 г. бесценны для понимания протекавших этнополитических процессов в Казахстане накануне распада СССР. Фактически социологами был сделан в будущей столице Казахстана «срез» общественного мнения и вскрыты «болевые» точки в развитии межэтнических отношений, показана тревожность нетитульного населения по поводу своего будущего.

На наш взгляд, этнополитические процессы 1985–1991 гг. характеризовались усилением межэтнической напряженности в обществе, и на этом фоне вспыхивали конфликты между представителями отдельных народов. В то же время абсолютное большинство советских граждан желало сохранения своей страны и не стремилось к выходу республик из состава СССР. Большие надежды население Казахстана возлагало на обновление в стране и нормализацию социально-экономической ситуации и межэтнических отношений. На Всесоюзном референдуме о сохранении СССР (17 марта 1991 г.) абсолютное большинство голосовавших жителей республики (94,1%) поддержало сохранение Союза ССР. Обострение национальных отношений в союзных республиках было больше связано с ростом претензий этнических элит на контроль в национальных республиках. Языковая реформа и этнизация управленческого аппарата были инструментами в очередном витке борьбы за объем властных полномочий между союзным Центром и союзными республиками и не представляли опасность для существования СССР. Исторический опыт показывает, что при наличии политической воли со стороны Центра элиты национальных республик (за исключением республик Балтии и Закавказья) готовы были уступить требованиям союзных властей. Однако в декабре 1991 г. СССР был распущен и народ Казахстана оказался в новой геополитической реальности. Дальнейшее развитие межэтнических отношений зависело не только от национальной политики казахстанского руководства, но и от степени сохранения в обществе отношений солидаризма и межэтнической толерантности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чешко С.В. Распад Советского Союза. М. : ИЭА РАН, 2000. 397 с.
2. Бырбаева Г.Б. Центральная Азия и советизм: концептуальный поиск евро-американской историографии. Алматы : Дайк-пресс, 2005. 484 с.
3. Козыбаев М.К. Отечественная история XX века: мифы и реальность // Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды). Алматы : Гылым, 2006. С. 158–179.
4. Горбачев М.С. Жизнь и реформы : в 2 кн. М. : Новости, 1995. Кн. 1. 600 с.
5. Черняев А.С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М. : ТЕРРА, Республика, 1997. 336 с.
6. Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачёва. Алматы : Санат, 1994. 352 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 156. Д. 1668.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1669.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1666.
10. Пономарев В.А. Документы и материалы о событиях 1986 года в Казахстане. М. : Информационно-экспертная группа «Панорама», 1993. 315 с.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1671.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1667.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1647.
14. Масанов Н.Э. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. 1996. № 1. С. 46–61.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1668.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1670.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1677.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 157. Д. 1672.
19. Сужиков М.М., Сапаралиев Г.С. Некоторые философско-правовые проблемы совершенствования культуры межнациональных отношений. Алма-Ата : Наука КазССР, 1989. 79 с.
20. Советские немцы – история и современность : материалы всесоюз. науч.-практ. конф. Москва, 15–16 ноября 1989 г. М. : ИМЛ при ЦК КПСС, 1990. 383 с.
21. Кайдаров Г. Если исчезнет язык // Казахстанская правда. 1992. 15 окт.
22. Хасанов Б.Х. Национальные языки, двуязычие и многоязычие: поиски и перспективы. Алма-Ата: Казахстан, 1989. 136 с.
23. Кыдыралина Ж.У. Нация и история. Астана : Елорда, 2009. 304 с.
24. Концепция языковой политики в Казахской ССР // Казахстанская правда. 1989. 2 авг.
25. Закон Казахской ССР «О языках в Казахской ССР» // Казахстанская правда. 1989. 22 сен.
26. Хасанов Б.Х. Механизм введения и реализации закона о языках Казахской ССР и пути внедрения государственного языка в различные сферы жизни. Алма-Ата : Наука, 1990. 30 с.
27. Государственная программа развития казахского языка и других национальных языков до 2000 г. // Казахстанская правда. 1990. 1 июля.
28. Феоктистов А. Русские, казахи и Алтай. М. : Альфа и Омега, 1992. 48 с.

Kaziev Sattar Sh. North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev (Petropavlovsk, The Republic of Kazakhstan). E-mail: sattarkaz@mail.ru

PERESTROIKA AND CRISIS OF NATIONAL RELATIONS IN KAZAKHSTAN (1985–1991).

Keywords: national policy; Kazakhs; Russians; Germans; perestroika; interethnic conflicts; language reform; nationalism.

The article deals with the problems of interethnic relations in Kazakhstan in the years of perestroika and breakdown of the USSR. An impression of objectivity of the Soviet society collapse as a result of release of ethnic nationalism from under the “press” of party bodies and state security apparatus due to the crash of official ideology of internationalism and actions of ethnic elites aimed at the disintegration of the country prevails in the research literature. Perestroika in the USSR was directed at the reformation of the Soviet society. Actions of the Soviet Union Center aimed at elimination of ethnic disparity hierarchy in national republics caused titular nations anxiety and expectation of changes among the ethnic minorities that in turn provoked aggravation of ethnic relations. The Union government reconsidered official personnel policy and carried out replacement of the former leaders of National Republics. In Kazakhstan it caused overt actions of Kazakh young people and intelligentsia in Almaty in December 1986. The new party leadership of Kazakhstan headed by G.V. Kolbin chose demolition of existing system of ethnic and tribal preferences in personnel policy and introduction of ethnically proportional representation in party-governmental and Soviet apparatus as its center of attention. Struggle against predominance of Kazakhs in governmental bodies was represented as correction of the “extremes” and return to genuine Lenin’s national policy. At the same time it was attempted to switch attention of the society from national issues to solving problems of social difficulties. Such an approach did not cause any significant opposition in the republic. However, Kolbin’s addressing the language problem, namely, sharp decreasing of the sphere of the Kazakh language application and studying, had considerable consequences. The language reform presupposed equal development of both Kazakh and Russian languages as well as support of language and cultural demands of ethnic minorities. Since the summer of 1989 the language reform was used as the instrument in the fight against the Union Center for accretion of power in National Republics. The language reform in Kazakhstan as well as in other Union republics meant the beginning of the Soviet internationalist project crash which was closely connected with the policy of language unification on account of the Russian language spread since 1930. Actualization of the national languages problem created powerful resources in support of republican nomenclatures’ claims for uncontrolled imperious dominance and control of the national economies. Fairly speaking, interests of party nomenclature, which earlier had made its contribution to ‘extinction’ of the Kazakh language, and national intelligentsia converged at this issue. The language reform split public opinion and struck a violent blow at the remaining relations of interethnic confidence and solidarity typical of the preceding period. However, Kazakh party nomenclature and intelligentsia did not aim at secession from the Union. Absolute majority of Kazakhstani people also supported the idea of preserving the unity of the country. Analysis of the ethno-political processes in Kazakhstan in the years of perestroika shows that destructiveness of nationalism potential was exaggerated. The crisis of national relations actually occurred but example of Kazakhstan suggests that potential of interethnic concord and civil loyalty was much more significant. After collapse of the country the social capital in the form of interethnic tolerance was used by the Kazakhstan political leadership to integrate the population into new political community of Kazakhstani people.

REFERENCES

1. Cheshko, S.V. (2000) *Raspad Sovetskogo Soyuza* [The collapse of the Soviet Union]. Moscow: IEA RAS.
2. Byrbaeva, G.B. (2005) *Tsentral'naya Aziya i sovietizm: kontseptual'nyy poisk evro-amerikanskoj istoriografii* [Central Asia and Sovietism: conceptual search Euro-American historiography]. Almaty: Dayk-press.
3. Kozybaev, M.K. (2006) *Problemy metodologii, istoriografii i istochnikovedeniya istorii Kazakhstana* [Problems of methodology, historiography and source history of Kazakhstan]. Almaty: Gylym. pp. 158-179.
4. Gorbachev, M.S. (1995) *Zhizn' i reformy* [Life and Reforms]. Moscow: Novosti. Book 1.
5. Chernyaev, A.S. (1997) *1991 god: Dnevnik pomoshchnika Prezidenta SSSR* [1991. Diary of the Assistant to the President of the USSR]. Moscow: TERRA, Respublika.
6. Kunaev, D.A. (1994) *Ot Stalina do Gorbacheva* [From Stalin to Gorbachev]. Almaty: Sanat.
7. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1668. (In Russian).
8. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1669. (In Russian).
9. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1666. (In Russian).
10. Ponomarev, V.A. (1993) *Dokumenty i materialy o sobytiyakh 1986 goda v Kazakhstane* [The documents and materials about the events of 1986 in Kazakhstan]. Moscow: Panorama.
11. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1671. (In Russian).
12. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1667. (In Russian).
13. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1647. (In Russian).
14. Masanov, N.E. (1996) *Kazakhskaya politicheskaya i intellektual'naya elita: klanovaya prinadlezhnost' i vnutrietnicheskoe sopernichestvo* [Kazakh political and intellectual elites: clan affiliation and internal ethnic rivalries]. *Vestnik Evrazii – Acta Eurasica*, 1996. 1. pp. 46-61.
15. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1668. (In Russian).
16. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1670. (In Russian).
17. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1677. (In Russian).
18. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 157. File 1672. (In Russian).
19. Suzhikov, M.M. & Sapargaliev G.S. (1989) *Nekotorye filosofsko-pravovye problemy sovershenstvovaniya kul'tury mezhnatsional'nykh otnosheniy* [Some philosophical and legal problems of improving the culture of international relations]. Alma-Ata: Nauka KazSSR.
20. Chebotareva, V.G. (ed.) (1990) *Sovetskie nemtsy – istoriya i sovemennost'* [The Soviet Germans – the history and the present]. Proc. of All-Union Scientific and Practical Conference. Moscow. 15-16 November 1989. Moscow: IML at the CPSU Central Committee.
21. Kaydarov, G. (1992) *Esli ischeznet yazyk* [If the language disappears]. *Kazakhstanskaya pravda*. 1992. 15th October.
22. Khasanov, B.Kh. (1989) *Natsional'nye yazyki, dvuyazychie i mnogoyazychie: poiski i perspektivy* [National languages, bilingualism and multilingualism: the search and prospects]. Alma-Ata: Kazakhstan.
23. Kydyralina, Zh.U. (2009) *Natsiya i istoriya* [The nation and the history]. Astana: Elorda.
24. Kontseptsiya yazykovoy politiki v Kazakhskoy SSR [The concept of language policy in the Kazakh SSR]. (1989) *Kazakhstanskaya pravda*. 2nd August.
25. Zakon Kazakhskoy SSR “O yazykakh v Kazakhskoy SSR” [The law of the Kazakh SSR “On languages in the Kazakh Soviet Socialist Republic”]. (1989) *Kazakhstanskaya pravda*. 22nd September.
26. Khasanov, B.Kh. (1990) *Mekhanizm vvedeniya i realizatsii zakona o yazykakh Kazakhskoy SSR i puti vnedreniya gosudarstvennogo yazyka v razlichnyye sfery zhizni* [The mechanism of introduction and implementation of the law on the languages in the Kazakh SSR and the ways of implementation of the state language in the various spheres of life]. Alma-Ata: Nauka.
27. Gosudarstvennaya programma razvitiya kazakhskogo yazyka i drugikh natsional'nykh yazykov do 2000 g. [The state program of development of the Kazakh language and other national languages before 2000]. (1990) *Kazakhstanskaya pravda*. 1st July.
28. Feoktistov, A. (1992) *Russkie, kazakhi i Altay* [The Russian, Kazakhs and Altai]. Moscow: Al'fa i Omega.